

Оглавление

Введение	5
----------------	---

РАЗДЕЛ I. БИБЛИЯ: КНИГИ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ 16

Глава 1. Библейский сюжет в ключевых событиях	19
1.1. Сотворение мира	19
1.2. Грехопадение человека	23
1.3. Первое пришествие Христа	27
1.4. Второе пришествие Христа	30

Глава 2. Жанровая система Ветхого Завета	35
2.1. Хроникально-эпические тексты	35
2.2. Лиро-дидактические тексты	41
2.3. Пророческие тексты	51

Глава 3. Жанровая система Нового Завета	57
3.1. Евангелие: четыре текста и единый сюжет	58
3.2. Жанровая характеристика Евангелия	61
3.3. Евангельский сюжет как система событий	64
3.4. Евангельский сюжет как система имен	68
3.5. Евангельский сюжет как система конфликтов	74
3.6. Евангельский сюжет как система речей	81
3.7. «Деяния апостолов»: развитие евангельского сюжета	89
3.8. Апостольские послания	91
3.9. Новозаветные апокрифы	94

РАЗДЕЛ II. СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 112

Глава 1. Византийская духовная словесность	120
1.1. Богословские тексты	120
1.2. Аскетические тексты	129
1.3. Духовная поэзия	142
1.4. Жития святых	149

Глава 2. Западноевропейская словесность и литература	156
2.1. Книга Боэция «Утешение философией»	156

2.2. Исповедь и автобиография	159
2.3. Героический эпос	166
2.4. Рыцарская литература: роман и поэзия	179
2.5. Поэмы Данте	199
2.6. Поэзия вагантов и Франсуа Вийона	210
РАЗДЕЛ III. СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ	219
Глава 1. Словесность Возрождения	235
1.1. Книга Франческо Петрарки «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру»	235
1.2. Книга Никколо Макиавелли «Государь»	239
1.3. Мартин Лютер и его словесность	242
1.4. Книга Эразма Роттердамского «Похвала Глупости»	251
1.5. Книга Томаса Мора «Утопия»	255
1.6. Книга Мишеля Монтеня «Опыты»	258
Глава 2. Литература Возрождения	263
2.1. Книга Джованни Боккаччо «Декамерон»	263
2.2. Книга Джейфри Чосера «Кентерберийские рассказы»	268
2.3. Роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	273
2.4. Поэма Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим»	280
2.5. Трагедии Шекспира	284
2.6. Роман Сервантеса «Дон Кихот»	300
Заключение	319
ПРИЛОЖЕНИЕ	323
Список произведений	323
Темы семинаров	325
<i>Типовые вопросы к семинарским занятиям</i>	325
Вопросы к экзамену	327
Дополнительная литература	329
Вопросы и задания для самооценки и самопознания	331

ВВЕДЕНИЕ

Студенты гуманитарных факультетов изучают зарубежную литературу Средних веков и Возрождения после курса Античности. Такой подход был закономерен и для высшей школы советского периода с ее убежденностью в обязательном противостоянии высокой словесности и религии, с однозначной оценкой Библии как пропагандистской книги, агрессивно навязывающей вредное и устаревшее мировоззрение. Священные для христианской (русской и романо-германской) цивилизации тексты не изучались в филологических курсах и лишь опровергались преподавателями дисциплин, посвященных возвышению атеизма как контррелигии. После homerовских поэм, древнегреческих трагедий и римских стихов появлялись русские жития святых, рыцарский роман и «Божественная Комедия». Герои этих произведений следовали новозаветным принципам, находили исторические формы евангельских конфликтов, определяли модель сюжета, восходящую к библейскому мифу, но все это оставалось странным и чужим. Христианский пафос Роланда и ангельскую красоту Beатриче нельзя было объяснить лишь греко-римской традицией, а знание иных источников культуры не предусматривалось. Студенты филологического факультета наблюдали, как буквально «из ничего» возникает христианская литература Древней Руси, от которой старательно отсекалась византийская словесность. На романо-германском факультете Европа, сотни лет воссоздававшая те или иные формы библейского мира, оставалась главным объектом изучения, а вот библейский мир растворялся в небытии. Нужно было читать и понимать «Потерянный рай» Милтона, но заниматься текстом, его породившим, не было никакой возможности.

Если смотреть с позиции литературоведения, то нарушались законы исторической поэтики: становление жанров и образных систем лишилось важнейшего звена. Еще печальнее ситуация выглядела с позиции здравого смысла: интеллектуальный да и просто житейский процесс оказывались без символов и идей,

помогающих психологическому самоопределению личности. То, о чем многие говорили с неослабевающим напряжением и в разных контекстах, у нас оставалось неизученной дисциплиной, непрочитанной книгой.

За тридцать с лишним лет ситуация с преподаванием средневековой и ренессансной словесности мало изменилась. Как и в Советском Союзе, библейская платформа словно отсутствует. Филфаки стесняются Священного Писания, так легче — не касаться главного.

Обосновывая присутствие библейских текстов в курсе «Зарубежной литературы Средних веков и Возрождения», мы опираемся на многолетний опыт лекционно-практической работы со студентами-гуманитариями Кубанского государственного университета, с которыми рассматриваем книги Священного Писания как филологический объект, как произведения, существующие в религиозной, философской и прежде всего — эстетической сфере. Структура книги и ее содержание формировались на лекциях и семинарах по текстам Ветхого и Нового Заветов, а также на занятиях, посвященных развитию библейского сюжета в «Песне о Роланде», «Гамлете», «Дон Кихоте» и других произведениях Средневековья и Возрождения.

* * *

Мы не ставим перед собой религиозных задач. Проповедь — не вузовский жанр, и студент, который опасается за свою свободу совести, может быть спокоен — ее не отнимут. При этом нужно помнить, что чтение Библии — не только филологически трудное, но и духовно энергоемкое дело: нет другого текста, который так бы сопротивлялся читателю, привыкшему к облегченной литературе. Многим поначалу приходится «продираться» через Ветхий и Новый Заветы, вздыхая по поводу незнакомых имен, длинных речей и странных символов. Кого-то не устроит сохраняющаяся архаика синодального перевода, лексика и фразеологические обороты, метафоры и притчи, формирующие художественную ткань Библии. Эти сложности можно преодолеть,

как и более серьезный барьер, — кажущуюся противоречивость повествования, многосмысленность учительных речей, подвижность образов. Надо привыкнуть к тому, что по-настоящему значительные произведения всегда ускользают от однозначного истолкования, зовут читателя к сотворчеству, которое отменяет заучивание кем-то высказанных идей — своеобразный захват смысла. Здесь смысл не захватишь, его нужно постоянно искать, убеждаясь, что сам поиск интереснее обладания.

Предлагаем правило контекста: встретившись с эффектным словом, с экстравагантной проповедью, с непонятной, но притягательной речью, не спешите изъять ее из общего смысла и построить на частном отрезке текста свою маленькую «церковь». Она окажется сектой, и вы, «сев» на цитату, замкнете себя в душной комнате без окон и дверей. Духовный текст велик и опасен. Об этом стоит помнить. Слова Иисуса Христа «Не мир я принес с собою, а меч» не зовут к истреблению инакомыслящих. «Кто не оставит отца и мать своих, в Царство Небесное не войдет» не означают бегства из дома и забвения родителей. Не нужно посвящать себя поиску даты апокалипсиса, прочитав «Откровение Иоанна Богослова».

Одна из задач нашей книги — введение в библеистику и рассмотрение литературы Средних веков и Возрождения как духовно-художественной реализации христианской идеи. Мы хотим представить основы филологической работы со сложными текстами, показать взаимодействие разножанровых и разновременных произведений, составляющих одну большую традицию. Изучение библейского сюжета в развитии — идеальная возможность осознать литературу как незаучиваемый предмет, как продолжающийся разговор, качество и интенсивность которого зависит от интеллектуального и духовного усилия его участников.

* * *

Закономерная сложность — присутствие религиозных и литературных текстов в рамках одного курса. Читатель Ветхого и

Нового Заветов легко убедится, что в них есть сюжет и композиция, конфликты, авторская позиция и образы героев, много метафор и сравнений. Вроде бы можно делать вывод, что Библия — это литература, напоминающая эпос, лирику и драму поздних времен. Но при всей любви к «Гамлету» или «Евгению Онегину», мы не отмечаем дни рождения главных персонажей, погребение Тристана с Изольдой не требует всемирного траура. Трудно представить группу лиц, построивших храм и в нем разыгрывающих мистериальную драму бегства и успокоения Мцыри. Дон Кихот — любимый герой, но мы знаем, что он не рождался и не умирал.

Иной случай — Новый Завет. Читая Евангелие, мы узнаем событийные основы календаря: даже государство считает Рождество и Воскресение своими праздниками. Миллионы людей в среду и пятницу вспоминают о предательстве Иуды и мучениях Христа, долгими постами готовят себя к дням, воплощающим евангельский сюжет. Попробуйте сказать христианину, что Иисус — «литературный герой», и тут же узнаете, что наличие художественной формы не всегда делает текст «литературой».

Она похожа на жизнь, но у нее есть автор с биографией, социальной и философской позицией, с талантливым, но неизбежно ограниченным взглядом, — и эта ограниченность препятствует превращению текста в религиозное знание. Он творит свой мир, так или иначе отражая действительность, преобразуя ее в художественный образ, а читатель понимает: здесь отразилось сознание самого автора, его частное мировосприятие, личные предпочтения и антипатии. Призывы к определенным мыслям и действиям могут быть громкими и почти бесспорными, но ничто не мешает читателю списать издержки пафоса на творческие обстоятельства, которые совсем необязательно переносить на себя. Классические герои всегда с нами, их имена — знаки житейских ситуаций, иногда — способ уточнения характеров наших близких, помочь в познании мирового разнообразия. И все же, когда читатель, нарушая законы восприятия литературы, слишком сильно внедряется в текст, стремительно возвращается

«детство», появляется любопытная, но болезненная ситуация, в которую попал знаменитый персонаж Сервантеса.

Одно дело — слушать поэтическую молитву, удивляясь глубине чувств лирического героя. Другое дело — молиться самому, находясь внутри ситуации, и зная, что никакая красота молитвенной формы не заменит душевной чистоты и простой искренности. В первом случае имеем дело с литературой, во втором — со словесностью. В ней принципы совершенно иные. Вместо явного авторства — анонимность: даже подписанный текст свидетельствует не о личном творческом успехе, а о коллективном образе, который кому-то удалось выразить с максимальным совершенством. Здесь автор — не хозяин текста, производящий на свет сюжет и героев, а посредник между Богом и человеком, духом и воспринимающим сознанием. Евангелисты не мыслят себя основателями нового жанра, их задача — понять волю Небес и смиленно записать случившееся.

Еще одна черта словесности — мифологический реализм. Древние сказания кажутся нам пределом литературной фантастики, плодом разгоряченного воображения, ищущего чудес. Для тех, кто живет в словесности, текст — правдивая история, открывающая прошлое, настоящее и будущее, соединяющая личность с высшим миром, с самим собой. Для библейского человека евангельское повествование — честный отчет о самом важном событии, о тех речах, без которых нет жизни. Нет словесности и без дидактики: нужно вслушиваться в произведение, воспринимать его как себя доказавшую нравственность.

В литературе юридические нормы, религиозные обязанности и исторические реалии остаются в стороне. На первый план выходит эстетика, не отсекающая историзм и дидактику, но всегда преображающая их. Читатель литературных произведений, как бы ни переживал он сюжетное происшествие, всегда сохраняет дистанцию. Она делает страх приятным, а слезы — успокоительными. Не случайна любовь к трагическим представлениям: страдания Эдипа, смерть Ромео и Джульетты, горькое познание короля Лира напоминают нам о собственном

уделе, но в данный момент страдание настигло не нас. На наших глазах умирает Гамлет, а мы остаемся, чтобы в суете будней иногда вспоминать о его героической жизни. Несмотря на тяжесть многих сюжетов, мучения героев и стенания авторов, литература всегда сохраняет легкость: она — не жизнь. В любой момент можем выйти из текста, отдалиться от него, захлопнуть книгу и не открывать ее никогда, если нам того не захочется. Литература — частность. Она возникает из истории и пребывает в ней, но сама является чем-то другим. Представляет, отражает, свидетельствует, она — образ действительности, но не сама действительность.

В мире, где словесность еще не произвела из себя литературу (или не замечет ее), от *текста-жизни* никуда не денешься. Древний израильтянин может не любить «Книгу Иова» и отказаться от нее ради псалмов, но и там будет то же молитвенное напряжение — иная форма, но не суть. У христианина есть шанс из *философского* «Евангелия от Иоанна» *перебежать* в более простое «Евангелие от Матфея», да ведь и тут необходимо следовать за Иисусом, из читателя становиться делателем, знающим, что путей спасения вне Нового Завета нет и весь мир поместился в лаконичном повествовании о жизни и учении Христа.

В литературе любой текст может быть рассмотрен как система заповедей. При этом обязательность того или иного морального принципа свободно определяется самим читателем. Кого-то убеждает Достоевский, кого-то — Толстой, но есть не так много проповедующий Тургенев или Чехов с его спокойным, психологически комфортным пессимизмом. В литературе возможны и обязательны переходы из текста в текст, из системы в систему. В словесности, требующей не только доверия, но и веры, круг один — бежать некуда. А если все же бегство удастся, то из *египтянина* станешь *израильтянином*, из христианина — мусульманином. Меняя литературных авторов, сохраним жизнь. Переходя из одной словесности в другую, заново рождаемся, становимся детьми иного Бога, людьми другого мышления.

Давно уже образовалось единое поле культуры, в котором словесность делает шаг навстречу литературе, встречая ее ответный шаг. Мы понимаем, что Фауст, Печорин и Раскольников — художественные образы, но как много они значат для практики познания, для творческой ориентации в мире, где все сюжеты возможны. *Гамлеты* и *Дон Кихоты* живут вокруг нас, и мы уже не знаем, угадали ли писатели Возрождения героев будущего или тексты сделали свое дело, заполонив времена и пространства историческими подобиями популярных персонажей.

Да и Новый Завет попал в контекст, в котором необходимо доказывать свою правоту, полемизировать с иными *словесностями*. В прежние времена буддист и христианин жили в разных землях, теперь они — рядом, в едином мире. И вот тут, когда словесность спорит со словесностью, появляется литература — пристанище компромиссного диалога, не отменяющего религиозно-философский задор, но требующего филологической культуры. Словесность порождает литературу, а в некоторых случаях и становится ею.

* * *

Рассмотрим простые, приспособленные для студентов уровни становления литературного произведения, проходящего путь от высказанного авторского слова до личного читательского мнения, в котором события, герои, образы приобретают субъективные смыслы.

Текст. Рассматривая произведение, начиная о нем общий разговор, необходимо иметь перед собой текст, достоверность которого принимается всеми участниками диалога. Научные издания предусматривают этап серьезной работы с источником. Это обеспечивает максимально объективную публикацию, проверку всех возможных рукописей, сличение вариантов, представляющих авторский замысел. У нас нет возможности подробно заниматься текстологическими вопросами. Библейские книги, произведения Средневековья и Возрождения изучены,

изданы и прокомментированы очень хорошо. Временная дистанция способствует их бесспорному существованию в современном литературном сознании.

Но присутствует другая проблема. Новый Завет на древнегреческом языке, на языке церковнославянском, в русском переводе XIX века, в русскоязычных протестантских переложениях — это один текст или разные? Один читает шекспировского «Гамлета» на английском рубеже XVI—XVII веков, кто-то — на языке Пастернака, другой доверяет Лозинскому. Един ли образ датского принца в такой ситуации? Язык в своих национальных особенностях — слишком тонкая материя, чтобы ответить утвердительно без всяких сомнений. Но качество перевода, которого литература достигла в XX веке, позволяет принять компромисс: текст, написанный на древнегреческом, старофранцузском или латинском языках, принимается в русском переводе и признается сюжетно соответствующим оригиналу с условием, что собственно лингвистические проблемы не ставятся.

Фабула. В любом произведении есть художественное время. Оно часто не совпадает с исторической хронологией: в поэме или романе одновременно происходящие события располагаются последовательно; создавая биографию героя, автор, руководствуясь интересами замысла, может говорить о «прошлом» после сообщения о «настоящем». Фабула — это пересказываемые события текста, их восприятие в историческом времени. На этом уровне произведения спора быть не должно. Слова Иисуса Христа дискуссионны, но факт его крещения, отраженный евангелистами, оспаривать невозможно. Под вопросом — смысл литературного происшествия, но если мы принимаем текст, то должны согласиться и с фабулой: Роланд умирает последним из франков, Данте встречает Вергилия, Дон Кихот атакует мельницу. Отношение к Библии определяется самыми разными факторами, что не ставит под сомнение художественную реальность диалога женщины и Змея у древа познания или распятие Христа на Голгофе. Фабула — каркас сюжета, твердая основа всех филологических дискуссий.

Сюжет. В любом тексте, независимо от времени написания и авторского таланта, слово сохраняет многозначность и в контакте с другими словами порождает художественный мир, требующий от читателя творческой работы, переживания и создания произведения в своем неповторимом сознании. Если о фабуле не спорят, то сюжет — сфера нескончаемого диалога, в том числе и внутреннего. В «Евангелии от Иоанна» есть встречи Иисуса с Никодимом и самарянкой, есть чудо в Кане Галилейской и воскрешение Лазаря. Это фактология текста, основа нашей памяти о нем. Переход от конкретности события к индивидуальному осмыслению — это движение от фабулы-пересказа к сюжету-творчеству.

Сюжет всегда находится в развитии. Любое слово и действие раскрывается в контексте — не только художественном, но и историческом. Представьте себе византийца V века, читающего Новый Завет, и сравните со своим восприятием. От груза много вековой культуры не отделаешься. Сюжет изменяется вместе со временем. Трудно предположить, что наше знание Гамлета совпадает с шекспировским. Да и что такое «наш»? Ведь кто-то оценивает датского принца как безвольного резонера, не способного исполнить волю отца. Другому шекспировский герой кажется таинственным философом, оставившим новое учение. Фабула сохраняется в обоих случаях, сюжет — разный.

Сюжет не поддается логической схематизации. В его неуловимости — залог интереса к литературе, которая преодолевает власть всех интерпретаций и сама себе обеспечивает свободу. Библейский сюжет — становящаяся категория: в синтезе идей, образов, конфликтов каждая эпоха, в зависимости от удаления от первоисточника, открывает свою историю. Роланд не похож на героя жития, Августин Аврелий исповедуется иначе, чем Петр Абеляр, но все они раскрывают грани библейского сюжета, утверждают его в исторической значимости.

Идея сюжета. Итак, сюжет — это то, что обеспечивает постоянный диспут и никогда не умещается в рациональном определении. Но литературный разговор призывает к опреде-

ленности. Иначе пропадает предмет обсуждения. Идея сюжета — это сведение художественного многообразия к тезисам, выражающим личное мнение о прочитанном. Сюжет — пространство памяти, основа ее существования. Идея — сжатие текста до определенного знака. Библейский сюжет способствовал появлению на свет сотен разных организаций-конфессий, выбирающих в нем необходимое для себя, соответствующее исторической, национальной или клановой психологии. Одну Библию читают православные, католики и протестанты, настаивая на разных идеях, уточняющих смысл Священное Писание. Сюжету предшествует фабула, поставляя события для бесконечного развития. В обсуждении сюжета возникает идея — философия текста, которая может быть оспорена другой философией. В этом конфликте — нормальность творческого процесса.

Знайте текст и фабулу! Размышляйте над сюжетом! Двигайтесь к его персональной идее!

* * *

Как была написана эта книга? И как читать ее? Основа была создана Алексеем Татариновым, преподавателем Кубанского госуниверситета, в 1999 году и издана в 2000 году под названием «Библейский сюжет и его становление в литературном процессе (Средние века и Возрождение)». В той версии слабым был раздел западноевропейского Средневековья и смешно смотрелось Возрождение, сведенное к «Гамлету» и «Дон Кихоту». Однако учебное пособие работало, работало без сбоев. Прежде всего за счет энергии страниц о библейской и византийской словесности. Ничего подобного в учебной отечественной медиевистике на рубеже веков не было.

С 2009 года к жизни этой книги активно подключилась Ольга Татаринова, жена Алексея Викторовича. Она спасла от ненужных и заумных реконструкций лучшее, что здесь есть — библейский раздел; сумела доказать первому автору, что прожить двадцать лет в филологии не значит начать писать лучше, чем

прежде. Важно, что главы о рыцарской литературе и Данте усилены с ее помощью. Активность Ольги Вадимовны — в появлении мощного, на наш взгляд, раздела о словесности и литературе Возрождения. Его качество и объем определила именно она. Ольга Татаринова уже несколько лет преподает этот курс; ее ценные замечания многое поправили в издании, которое перед вами.

Если отказаться от занудства и стремления соответствовать разным «эффективностям», эта книга — о рождении христианского сюжета, о становлении его классических форм и начале тяжелого кризиса. Мы стремимся к полноценному введению в христианскую словесность. При этом перед вами большой вузовский курс, который под разными названиями и с особыми модификациями читается на большинстве филологических направлений Кубанского госуниверситета с 1992 года по настоящее время. Нам удалось добиться его солидного часового наполнения: 16 (32 часа) лекций и 16 (32 часа) семинаров, итог — экзамен.

Не скроем от вас, что не все обсуждаемые в книге произведения помещаются в разговор со студентами. Как правило, это главы о новозаветных апокрифах, Боэции, Макиавелли, Томасе Море, Тассо. Факультативны ли они? Решать вам.

Обратите внимание на самый последний параграф Приложения. Это «Вопросы и задания для самооценки и самопознания». Формулировки оттачивались в ходе многолетнего общения с самыми разными студентами. Я бы рискнул и начал знакомиться с книгой именно с конца.

Раздел I

БИБЛИЯ: КНИГИ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ

С греческого языка «библия» переводится как «книги», что сразу указывает на структуру памятника: это сборник текстов, связанных общим замыслом. Впервые это слово было отнесено к священным произведениям в IV веке нашей эры, когда состав сборника был окончательно утвержден церковным согласием. Самоназвания древней части Библии: «Писания», «Книги Завета», «Закон» и «Пророки». Христиане I—III веков называли свои книги «Евангелие» и «Апостол».

Библия — двуязычный текст, сохранивший классические формы еврейского и греческого языков. В Библии две части: Ветхий и Новый Заветы. Первая часть — история, религия, мифология и литература древнееврейского народа. Вторая, также связанная с Палестиной, отразила переход от национального сознания к сознанию всемирному, став главным текстом христианства. Для такого движения больше подходил древнегреческий язык, охвативший значительную часть тогдашней цивилизации.

Слово «Завет» говорит о содержательной специфике памятника. Его значения: «закон», «союз», «договор». Каждое предусматривает участие и взаимосвязь двух сторон, поэтому можно говорить о двух личностях, чьи сложные отношения являются главной темой обоих Заветов. В союз вступают Бог и человек. Первое и самое существенное стремление Библии — показать, как «падший мир» постигает «божественный Закон», сначала учится моральной стойкости и послушанию через религиозно-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru